

Однако Цзи Жань не ожидал, что из-за того, что он не явился к общему столу, на него свалится неприятность. Как говорится, беда не приходит одна — даже сидя дома, можно получить её с неба.

И правда с неба. Весь вчерашний день он просидел в своей комнате, никого не трогая, и вдруг его обозвали домашним вором.

Рано утром, едва забрезжил свет, старуха Лу с грохотом ворвалась во двор, колотя в дверь так, что, казалось, она вот-вот разлетится.

Разбуженный в такую рань, Цзи Жань был не в духе. С мрачным лицом он открыл дверь и едва не получил пальцем в нос от старухи Лу.

— Что происходит в такую рань? — После вчерашнего холодного приёма и объяснений Лу Чжэня Цзи Жань не питал к семье Лу тёплых чувств. А теперь, разбуженный и чуть не ткнутый в лицо, он и вовсе помрачнел.

— Ах ты, старший! Думала, чего это ты вчера в комнате отсиживался, даже к столу не вышел? Беспокоилась, не голодный ли? Ан нет — оказывается, воровал! Неужели в нашей семье тебе еды не хватает? — Старуха Лу, подбоченясь, и не думала сбавлять пыл. — Я двадцать яиц полгода копила, а тут два как сквозь землю провалилось! Они для невестки были, после родов поправляться. У роженицы еду отбираешь, не боишься, что громом убьёт! И мука за ночь убыла. Мы что, мужа в дом привели или вора? Проклятый ты, если яиц с мукой не вернёшь, я с тобой не покончу!

Цзи Жаня обрызгали слюной, и он почувствовал, будто наступил в нечто крайне неприятное.

— Когда я воровал твои яйца и муку? Я даже не знаю, где они у тебя! Обвинять — так с доказательствами, старуха! — Цзи Жань вытер лицо, чувствуя, как внутри всё закипает.

— Не знаешь? Мог и найти! Дом-то невелик! А вчера, кроме невестки Лу Чангэна да мальчика Цзыцяня, ты один тут был. Они не брали — значит, ты! — Старуха Лу и слушать не хотела о невинности. В её глазах все были свои, а он — чужак. — В нашей семье Лу еда никогда не пропадала, а как ты появился — сразу пропажи. Невиновен? Невиновен, блин!

— Нелепость! Верь — не верь, но я ничего не брал! — Цзи Жань был в отчаянии. В таких делах правду не найдёшь, а он, мужчина, не желал препираться со старухой.

Но его нежелание не означало, что другие оставят его в покое.

Когда Цзи Жань попытался закрыть дверь, старуха Лу вцепилась ему в руку. Он и пикнуть не успел, как она сама плюхнулась на землю, держа его за руку и громко шлёпая себя по бедру.

— Ох, горе моё! Всю жизнь на эту семью положила, а тут вор объявился! Ох, ты, проклятый, умер — так и лежи, а то ещё мужа завёл, который ни родить не может, ни работать, лишний рот, да ещё и вор! Где ж справедливость-то?

Цзи Жань, выросший в деревне, видал сварливых баб, но старухина выходка всё же оставила его в ступоре. Что это вообще было?

Пока он стоял ошеломлённый, со стороны нахлынула толпа.

— Ах ты, негодник! Старших не чтишь, ещё и руки распускаешь! Вот я тебе покажу! — Впереди

шёл сухопарый старик в короткой куртке, размахивая прутом. Он ринулся на Цзи Жаня, и прут уже свистел, опускаясь на его голову.

Цзи Жань, конечно, не стал ждать удара, выскочил за дверь и бросился бежать, но Лу Чангэн и Лу Чанцин уже поджидали и схватили его с двух сторон.

Лэн Сянлянь, несмотря на живот, тоже не осталась в стороне. Увидев переполох, она поспешила распахнуть ворота. Обычно сор из избы не выносят, а она выставила Цзи Жаня на посмешище — видимо, и сама считала, что яйца украл он, и злилась, что её лишили.

Гао Хуэй тоже была тут, но она, тихая и молчаливая, не присоединилась к шуму, а просто стояла в сторонке, прикрывая детей.

А Цзи Жань, в своём худом, измождённом теле, да ещё и вечно недоедавший, сил на сопротивление не имел. Схваченный двумя братьями, он и пошевелиться не мог. Видя, как старик Лу замахивается прутом, он инстинктивно отвернулся и зажмурился.

Внутри он кричал: «Чёрт, да они все сумасшедшие!»

Однако, зажмурившись, он боли не почувствовал. Вместо этого Лу Чангэн и Лу Чанцин вдруг отпустили его и с воплями закатились по земле. Прут, казалось, опускался на Цзи Жаня, но орали и корчились от боли именно братья.

Такой поворот ошеломил всех.

Жёны братьев опомнились первыми и с криками бросились останавливать старика, но тот, словно бесёнок, орудуя прутом с невиданной силой, а старые его руки-ноги двигались с неожиданной ловкостью. Остановить его не получалось. Гао Хуэй пыталась — и сама получила несколько ударов. Лэн Сянлянь же с животом металась вокруг, но подойти боялась.

— Папа, что ты делаешь?! Вор-то тут, а ты своих бьёшь! — Лэн Сянлянь, видя, как мужья корчатся, рванула к остолбеневшей старухе. — Мама, не стой! Папа Лу Чангэна с Лу Чанцином сейчас до смерти зашибёт!

Старуха Лу наконец очнулась и кинулась в драку — но только сама под удар попала. Старик не разбирал — кто мешается, того и лупит.

Вскоре старуха Лу уже вопила, лицо в кровоподтёках, и, на первый взгляд, она пострадала куда больше сыновей.

Чёрт, что происходит?!

Цзи Жань, придя в себя, тоже обалдел от этой неразберихи.

— Мяс!

В этот момент чёрный кот стрелой метнулся с забора на крышу, прут выпал из рук старика Лу, и тот рухнул наземь. Семья была в шоке, и подхватить его не успел никто — грохнулся на землю.

— Старик! — Старуха Лу, опомнившись, взвыла, как под ножом, и бросилась к бездыханному телу. — Чего уставились?! Тащите отца домой! Небо невидно, вор людей бьёт, совесть потерял!

Цзи Жань не обратил внимания на её враньё. Народ-то не слепой — у ворот зрителей собралось

немало, и кто кого бил, все видели.

Подумав об этом, Цзи Жань усмехнулся. Может, ему стоило поблагодарить Лэн Сянлянь?

По крику старухи братья подхватили отца и поспешно ретировались. Вся семья нагрянула и исчезла, словно ураган, оставив после себя лишь представление для пересудов.

Насытившись зрелищем, народ устремил взоры на Цзи Жаня — муж-то. Взгляды были разные: любопытные, насмешливые, сочувственные, презрительные.

Цзи Жань не собирался быть обезьянкой для зоопарка. Холодно скользнув взглядом по толпе у ворот, он развернулся и зашёл в комнату. Только закрыл дверь — окно со скрипом распахнулось, и чёрная тень стрелой влетела внутрь.

— Мяу! — Кот запрыгнул на стол, обошёл вокруг поминальной таблички изящной поступью, затем плюхнулся, склонив голову и мяукнув Цзи Жаню.

— Лу Чжэнь? — Цзи Жань, склонив голову набок, уставился на кота и осторожно позвал.

— Мяу!

Кот оживился, оттолкнулся, чтобы запрыгнуть к Цзи Жаню на колени.

Но тот, помня горький опыт, осмотрительно отступил на два шага и шлёпнул кота на пол.

<http://bllate.org/book/16271/1464264>